

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH154664-677>

Муслимова Н.Т.,

к.и.н., младший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

yu-a-t@yandex.ru

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье на основе широкого круга документальных источников и исследовательского опыта отечественных и зарубежных историков показан механизм тех масштабных и противоречивых перемен, которые произошли в дагестанском обществе в результате осуществления новой экономической политики, проводимой советским государством в 1921–1928 гг. Интерес к истории социалистических преобразований в Дагестане вновь актуален, когда, с одной стороны, в современной историографии уделяется большое внимание альтернативным путям развития страны и республики, а с другой – очевидны плачевные итоги постсоветских перемен в общественном развитии. Это вызывает необходимость переосмысления советского опыта.

Исследование проводилось методом сравнительного анализа, который показал, что в конкретно-исторических условиях Дагестана многоукладность экономики, внедрение рыночных методов хозяйствования, элементов хозрасчета и одновременно систематическая финансовая и материально-техническая помощь советского правительства стали катализатором разрушения традиционного уклада дагестанского общества, его дифференциации, изменения его социально-классового состава, которые в известной мере подготовили дагестанцев к принятию сталинской модели развития советского общества. Процессы трансформации дагестанского общества показаны в статье сквозь призму идейной борьбы, которая происходила в руководстве правящей партии в первое десятилетие советской власти.

Ключевые слова: новая экономическая политика; внутрипартийная борьба; социальная дифференциация; «революция сверху»; либерализация; хозяйственный расчет; коллективизация; кресткомы, кооперация, коренизация советского и партийного аппарата.

© Муслимова Н.Т., 2019

© Дагестанский федеральный исследовательский центр, 2019

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH154664-677>

Naida T. Muslimova,
PhD (in History), Junior researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Machachkala, Russia
yu-a-t@yandex.ru

SOCIALISTIC TRANSFORMATIONS IN DAGESTAN IN THE FIRST DECADE OF THE SOVIET RULE

Abstract. Based on a wide range of documented sources and research works of both Russian and foreign scholars, the article overviews the mechanism of those large-scale and contradictory changes, which took place in the Dagestan society as a result of the new economic policy, implemented by the Soviet government in 1921-1928. The interest to the history of the socialistic transformations in Dagestan is again relevant, given the fact that, on the one hand, modern historiography pays great attention to alternative ways of developing the country and the republic, and on the other, post-Soviet changes in social development have led to catastrophic results. This underlines the need for reconsideration of the soviet experience.

The method of comparative analysis is used in the study. It shows that in the specific historical conditions of Dagestan, the diversified economy, the introduction of market management methods, cost-accounting elements and at the same time systematic financial and material and technical assistance of the Soviet government became a catalyst for the destruction of the traditional structure of Dagestan society; its differentiation, and changes in its social-class composition, which to a certain extent prepared the Dagestanis for the adoption of the Stalinist model the development of Soviet society. The processes of transformation of Dagestan society are considered in the article through the prism of the ideological struggle that took place in the higher levels of the ruling party in the first decade of Soviet power.

Keywords: New economic policy; intra-party struggle; social differentiation; “revolution from above”; liberalization; khozraschoyot (cost accounting); collectivization; socialistic transformations in Dagestan; krestkom (farmer’s committee); cooperation; korenizatsiya of the soviet and party machine.

1921 год вошел в историю страны как год решительного поворота в политике Советского государства. X съезд РКП (б) ликвидировал продрозверстку и подвел черту под огосударствлением профсоюзов. На этом этапе речь еще не шла о радикальных переменах в политике большевистской партии. Идеи новой экономической политики кристаллизовались постепенно. Победившая партия и советское государство предприняли по ленинскому выражению «реформистский», «обходной» метод экономического строительства, который привел к допущению многоукладной экономики, внедрению «рыночных» методов хозяйствования, хозяйственного расчета, известной либерализации общественной жизни. При том, что конечной целью партии оставался социализм, следовало «отступить так, чтобы вовремя приостановиться и перейти опять в наступление» [1, с. 222].

В Дагестане советская власть окончательно утвердилась в марте 1920 г. Органами власти, которые должны были начать работу по коренному переустройству дагестанского общества на социалистических началах, стали революционные комитеты и областное бюро РКП(б). В ведении Дагестанского ревкома находилась вся национализированная крупная промышленность, рыбные промыслы, помещичьи земли. Дагревком был представлен местными революционными силами, во главе с Дж. Коркмасовым, а областное бюро РКП(б) состояло из приезжих работников.

Для упорядочения работы органов власти на местах Дагревком и областное бюро почти одновременно направляли в округа своих представителей [2, с. 32].

Как свидетельствуют архивные документы, между Дагревкомом и областным бюро РКП(б) были серьезные разногласия в методах и способах социалистических преобразований в Дагестане. Так, дагестанское бюро РКП(б) в своих инструкциях по организации работы в горах, призывало при проведении «месячника горской бедноты не считаться с Джалалом (Дж. Коркмасов. – прим. Н.М.), пытаться его, как находящегося под влиянием кулаков, дискредитировать и противопоставить ревкомам ячейку сочувствующих или партийную ячейку»¹.

На деле создавать партийные ячейки было некому: среди сельской бедноты не было способных к организаторской работе и идейных людей. Как отмечали в своих отчетах организаторы «месячника горской бедноты», несмотря на то, что при раздаче мануфактуры они настаивали на включении в комиссии по их распределению бедняков, население упорно выбирало кулаков².

Как писал в докладной записке чрезвычайный уполномоченный Дагревкома в Нагорном Дагестане: «Организационная работа революционных комитетов сильно тормозится отсутствием работников. Вместо необходимых двухсот-трехсот работников для каждого округа имеется налицо десятка два

1 Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4. Л. 130.

2 ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 26. Л. 29.

грамотных людей, из которых большинство непартийные, ввиду чего приходится привлекать беспартийных, знающих только арабскую грамоту» [3, с. 24–25; 4, с. 85].

Сложность работы по социалистическому переустройству в горах отмечал и уполномоченный ревкома в Андийском округе М. Кундухов: «До 30 июня в округе, кроме окружного ревкома, во главе которого стоял полуграмотный, но энергичный советский работник, и несколько десятков милиционеров – оборванных бедняков, гонявшихся постоянно за разбойниками и политическими авантюристами, не было ничего говорящего о том, что существует Советская власть, власть рабочего и бедняка-крестьянина» [5, с. 35].

Секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), которому подчинялось Дагестанское бюро, отмечал, что советская власть на начальном этапе не имела в Дагестане прочной опоры, и это было связано с «большим количеством налогов, взяточничеством и злоупотреблениями на местах, запутанностью земельных вопросов, наличием тысячи партизан, боровшихся за установление новой власти и ожидавших от нее прямых и личных благ. Следствием такого положения стала антисоветская агитация и рост религиозных настроений» [6, с. 140].

Алибек Тахо-Годи, непосредственный участник социалистических преобразований в Дагестане, дает еще более полную картину происходящих в это время событий: «Несмотря на протесты местных работников, люди с аршинными мандатами от централизованных учреждений, вроде Наркомпрода, делали своё, по существу, контрреволюционное дело. Начался учёт кур, яиц, масла. Приступили к национализации горских мельниц величиной в хороший кулак и т.д. и т.д. ««Куриная власть», а не советская, – говорили крестьяне. Ко всему этому еще неосторожные действия других органов власти – и антисоветская обстановка была готова» [7, с. 140].

В сентябре 1920 г. в Дагестане произошел «дагестанский Кронштадт» – восстание горцев, которое возглавил избранный имамом Нажмудин Гоцинский. Восстание охватило значительную часть Андийского, Аварского, Гунибского, Даргинского и Казикумухского округов [8, с. 125].

В разгар борьбы с восставшими горцами 13 ноября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре был созван Чрезвычайный съезд народов Дагестана, на котором была провозглашена автономия республики и было предоставлено право «управлять на основании своих законов и обычаев» [2, с. 35]. Эти решения, несомненно, способствовали упрочению советской власти в горах. Но обстановка продолжала оставаться очень сложной. Бюро Дагестанского областного комитета РКП(б) призывало коммунистов «не впадать в уныние и апатию от трудностей и кажущейся сначала неплодотворной работы в горских условиях»³.

Выбор социалистических преобразований в Дагестане зависел от того, какие решения будут приняты в руководстве ВКП(б). В руководстве правящей партии шла острая идейно-политическая полемика о способах и методах строительства социализма, которая после смерти В.И. Ленина переросла в борьбу за

3 ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4. Л. 129.

лидерство в коммунистической партии. Левая оппозиция (Л. Троцкий) связывала возможность социалистического строительства в Советской России с победой мировой революции, правые уклонисты (Н. Бухарин, А. Рыков и М. Томский) отстаивали идеи аграрно-кооперативного социализма. Архивные документы, приводимые Османовым А.И. [9], свидетельствуют о том, что среди ответственных партийных и советских работников были сторонники обеих противоборствующих группировок.

Идеи, разработанные В. Лениным и заложенные в основе новой политики на начальном этапе, в партийном руководстве воспринимались неоднозначно. Троцкий и его сторонники видели в нэпе откат к капитализму. Они считали, что восстановление хозяйства и построение социализма возможно на путях социалистического кооперирования деревни.

Важно отметить, что в дагестанской партийной организации на начальном этапе социалистического строительства не было местных работников, способных самостоятельно выбирать тактику и стратегию социалистических преобразований. Социалистическое строительство в республике шло в рамках курса, вырабатываемого в центральном партийном аппарате. А.И. Османов приводит архивные документы, которые убедительно свидетельствуют о том, что в партийной организации Дагестана среди ответственных работников были сторонники как Л. Троцкого, так и его оппонентов.

В письме работника представительства Дагестана в Москве, направленном в обком партии, явно прослеживаются идеи Л. Троцкого: «В Дагестане общее положение определенно говорит, что о коммунистической работе, о Коммунистической партии можно будет говорить, когда мы создадим в Дагестане сеть крупных промышленных центров, пойдем по пути создания в Дагестане государственного капитализма»⁴.

Османов А.И. взгляды инструктора Дагестанского обкома партии Ф. Уварова характеризует как меньшевистско-троцкистские. Однако, утверждения Ф. Уварова о том, «что не надо воспрещать предприимчивым хозяевам вести хозяйство наемным трудом», или например: «поскольку крупные хозяйства быстрее отзываются на введение улучшенных способов хозяйничанья, рекомендовал бы оставлять в руках кулаков землю сверх нормы, ограничивать сельскую буржуазию только прогрессивным подоходным налогом»⁵, говорят о том, что Уваров поддерживал идеи правого бухаринского уклона в партии.

Поскольку в острой партийной дискуссии Л. Троцкий и его сторонники оказались в меньшинстве, социалистические преобразования в аграрной сфере, как в целом по стране, так и в Дагестане, стали проходить в русле идей, которые в общих чертах состояли в положительной оценке рыночных методов хозяйствования.

Решения X съезда партии о замене продразверстки продналогом должно было снизить градус недовольства, способствовать восстановлению хозяйства.

4 ЦГА РД. Ф.1-п. Оп. 2. Д. 64. Л. 92.

5 ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 94. Л. 11.

Выполняя решения съезда, правительство Дагестана 27 июля 1921 г. издало декрет о натуральном налоге, размер которого был гораздо меньше продрозверстки и сроки его внесения становились известны крестьянам до весеннего сева [10, с. 253]. В 1922 г. хозяйства горных округов, имевшие менее одной четверти десятины посева, менее двух голов крупного рогатого скота или двенадцати голов мелкого рогатого скота были освобождены от налога [10, с. 254].

С 1922 г. все бывшие частновладельческие земли (бекские, помещичьи и казенные) пастбищные, пахотные, покосные и лесные участки из ведения Дагрекова перешли в ведение Наркомзема, который в русле принятых в центре решений проводит в жизнь земельную реформу: национализированные земли, а это были, главным образом, земли активных участников контрреволюции, распределяются по степени наличности земельного фонда и инвентаря. Конфискованные частновладельческие земли возвращались их прежним владельцам – бекам и помещикам [11, с. 170]. Возвращение земель бывшим хозяевам привело к тому, что и после революции они сохранили за собой 75,4 тыс. га земли, т.е. примерно 370 га земли на каждого владельца, в то время как в среднем по Дагестану на человека приходилось 4,98 га (7,2 га на равнине и 3,4 га в горах), т.е. почти в 80 раз меньше [11, с. 155].

Из стенографического отчета первой сессии ДагЦИКа, которая состоялась в 1922 г. Становится очевидным, что руководители местных земельных органов не сумели понять резкий поворот в политике партии, и фактическое возвращение земли ее бывшим владельцам вызвало недоумение и резкую критику. Руководитель Наркомзема Клименко критику принятых решений назвал «определенным и сознательным уклонением от намеченной политики в земельном вопросе» [11, с.155].

Следуя политике центра, в горных районах сохранялись дореволюционные формы использования мечетской собственности, право купли-продажи мульков в высокогорных районах [11, с. 152]. В 1922 г. от налогов были освобождены хозяйства Аварского, Гунибского, Андийского, Казикумухского и Самурского округов, имевших менее одной четверти десятины посева, менее двух голов крупного рогатого скота или двенадцати голов мелкого рогатого скота [12, с. 118].

Восстановление сельского хозяйства и социалистические преобразования в горах Дагестана были связаны с деятельностью крестьянских комитетов – массовых общественных организаций хозяйственной помощи крестьянкой бедноте. Первые кресткомы в Дагестане стали организовываться в 1923 г., их особенностью было то, что кроме взносов к ним поступали также закаты и вакуфы, которыми прежде распоряжалось мусульманское духовенство. Через крестьянские комитеты государство первые годы оказывало помощь аульской бедноте, семьям красных партизан, красноармейцев, вдовам, сиротам. С 1923 по 1926 годы помощь кресткомов в виде предоставления возвратных сумм деньгами и натурой была оказана 1482 хозяйствам, а безвозвратных пособий – 8269 хозяйствам [13, с.10].

Усиление в партии после смерти В.И. Ленина правого крыла, в лице Н. Бухарина, М. Калинина и А. Рыкова дало импульс идеям положительной оценки рыночных методов хозяйствования и, в частности, развития индивидуального хозяйства для роста всего народного хозяйства. В этой связи меняется работа кресткомов: резко уменьшается доля безвозвратных ссуд и пособий. С 1 октября 1926 г. по 1 октября 1929 г. в виде безвозмездных ссуд и пособий было выделено 37 652 руб., в то время как сумма возвратных ссуд составила 83 801 [13, с. 10]. Поскольку проведение налоговых кампаний в республике в «силу особых условий» проводилось не сельсоветами, а финансовыми органами, кредиты кресткомов функцию поддержки батрацко-бедняцких хозяйств не могли предоставляться в полной мере. Как сообщила газета «Красный Дагестан» «...средства от закатов и вакуфов, которые до революции использовались на помощь неимущим, объективно поддерживали более крепкие хозяйства, способные кредиты возвратить»⁶.

В аграрных преобразованиях советской власти большая роль отводилась кооперации, как одной из форм подготовки крестьян к колхозному строительству. В Дагестане оживление кооперации наблюдается с 1925 г., когда экономически окрепшее советское государство стало активно кредитовать как сельскохозяйственную, так и кустарную кооперацию. Число пайщиков стало расти, для сравнения: к 1 января 1924 г. 29 кооперативных обществ объединили 7 827 чел., а к 1 января 1925 г. – 65 обществ объединили 20 155 чел., в сельхозкооперации, соответственно, 20 обществ объединили 1535 чел., 63 общества – 6607 чел.⁷

Машины и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия поставлялись государством исключительно через кооперацию: при покупке необходимо было внести 25 % стоимости отпущенных машин и орудий производства [11, с. 251]. Такое ограничение было серьезным препятствием для неимущих слоев.

Аналогичная ситуация складывалась и в кредитовании кустарно-промысловых артелей и отдельных хозяйств. Призванные укрепить социалистический сектор в экономике и поддержать бедняка, кредитные товарищества объективно способствовали развитию крепких хозяйств. Так, выделенные на 1926–1927 гг. сельскохозяйственным банком средства должны были быть распределенными между сельскохозяйственными артелями – 58,4 тыс. руб., кустпромартелей – 44 тыс., на кредитование крестьян – 18,2 тыс. руб. На местах эти деньги распределились следующим образом: сельскохозяйственные артели получили 33,6 тыс. руб., кустпромартели – 25,7 тыс., единоличники – 61, 3 тыс. руб. Такая ситуация, как показало обследование Дагестанской партийной организации в 1928 г., была повсеместной [10, с. 106].

И Османов Г.Г. [11, с. 251] и Даниялов А.Д. [10, с. 106] связывают, такое положение с тем, что «кулаки пробрались в руководящие органы

6 ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 94. Л. 11.

7 ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 978. Л. 4.

кооперации». С другой стороны, имеется объяснение председателя Урахинского сельскохозяйственного товарищества, Сунгура Алиева этого «нарушения», тем, что он «опасался выдавать кредиты беднякам, так как последним нечем будет возвращать кредиты в срок» [10, с. 106].

За 1927–1929 гг. общая сумма сельскохозяйственного кредита, полученного населением у банка, составила около 10 млн рублей [14, с. 49]. Следует отметить, что объективно и льготные кредиты, и выделяемая техника способствовали укреплению зажиточной части дагестанского крестьянства.

Либерализация в экономике сопровождалась усилением либеральных тенденций и в других сферах общественной жизни. В решениях объединенного пленума Дагобкома и Дагестанской контрольной комиссии по итогам 14-ой Всесоюзной партконференции, состоявшейся в 1925 г., заместитель председателя СНК ДАССР К. Мамедбеков, подводя итоги выборов в местные советы, отметил, что «выборы прошли как никогда правильно, потому что в Советы попала вся беднота, партизаны, словом, все что есть лучшее в ауле. Но, эти выборные – неграмотные, они не могут управлять и справляться с теми делами, которые нужно вести по линии хозяйственной жизни аула. Вывод – необходимо вовлекать в Советы беспартийных крестьян и из среды середняков, и если некоторые члены партии в наших аулах не умеют строить хозяйство, то нужно этому учиться у лиц более сведущих, хотя и беспартийных».

В дагестанских условиях «более сведущими в строительстве хозяйства» были представители духовенства и зажиточной части аула. В 1924 г. в Дагестане было 2 тыс. мусульманских школ, в которых обучались 50 тыс. учеников, в то время как в 151 светской школе обучались 10 721 учащийся [15, с. 92].

С 1925 г. лица, для которых культ не являлся профессией, могли принимать участие в выборах. Предоставление избирательных прав духовенству, которых оно было лишено постановлением обкома РКП(б) от 23 октября и Дагревкома от 26 октября 1921 г.⁸, увеличило число имеющих право участвовать в выборах с 26 386 в 1924 г. до 40 157 чел. в 1926 г. [2, с. 267].

В период нэпа, в условиях отсутствия у государства денежных средств для поддержки промышленности, решением Дагсовнархоза ряд предприятий был сдан в аренду частным лицам. Это были на тот момент убыточные предприятия – коньячный, гвоздильный, кожевенный и известковый заводы, швейная мастерская и мельница [9, с. 82]. В течение 1923–1924 гг. из ведения Дагестанского совнархоза местным исполкомам советов были переданы 12 мелких предприятий для сдачи их в аренду кооперативам и частникам. В 1926 г. из 10 предприятий Дербентского района 5 были в аренде у частных.

В число сдаваемых в аренду предприятий попадали и объекты жизнеобеспечения, например, электростанция в Порт-Петровске была передана ее коммунхозу [9, с. 82].

Нарком финансов С. Габиев призывал местные Советы использовать в управление предприятий, находящихся в их ведении, рыночные механизмы,

8 «Советский Дагестан». 27 октября 1921 г.

изыскивать любые возможности, привлекать все источники доходов⁹.

Городские советы должны были строить работу по руководству городским хозяйством на основе хозяйственной самостоятельности, как важному условию оздоровления всего хозяйства страны. Так, в декабре 1925 г. что Буйнакский райисполкомом возбудил перед ДагЦИК ходатайство о предоставлении Электроводканалу права взыскивать с неплательщиков – частных граждан и домовладельцев – причитающиеся с них суммы за пользование водой, канализацией и электротоком в административном порядке, установленном для сбора налогов¹⁰.

Еще в 1923 г. председатель ДагЦИка Н. Самурский отмечал, что при развивающемся нэпе в тяжелом положении оказались слои, близко стоящие к советской власти и партии: промысловые рабочие, рабочие-нефтяники, безземельные кустари и колоссальное количество батраков.

Статистика РИК фиксировала в горах 38 % безработных. «Десятки, сотни дагестанцев, ежедневно спускаются с гор и обращаются за помощью в ДагЦИК, Наркомтруд и другие наркоматы¹¹.

В отчете о деятельности правительства ДАССР в 1926 г. сообщается о «громдном количестве безработных и колоссальной нищете». При этом председатель ДагЦИка отмечает, что правительство «сознательно допустило в этом году 8 тыс. рабочих (вместо прежних 2–3 тыс.) из местных горцев для того, чтобы дать возможность иметь кусок хлеба безработным» [16, с. 11].

При переходе к индустриализации необходимо было преодолеть отставание Дагестана в развитии промышленности. С этой целью со второй половины 20-х гг. в республику из центральных районов страны стали направлять целые комплексы заводов и фабрик. Для наладки оборудования, строительства и пуска в эксплуатацию новых предприятий в Дагестан направлялись квалифицированные рабочие. Предполагалось, что они примут участие в подготовке рабочих кадров из местного населения [17, с. 102]. В первые годы институт наставничества внедрялся с трудом. Приезжие специалисты неохотно передавали свой опыт и знания местным рабочим, опасаясь потерять работу или не успеть выполнить промфинплан.

Низкий исходный уровень промышленного развития в Дагестане и почти полное отсутствие подготовленных кадров рабочих и инженерно-технических работников стали причиной того, что в первое десятилетие советской власти дагестанские рабочие составляли примерно треть числа промышленных рабочих, при том, что фабрично-заводские рабочие составляли в республике 1,4 % всего населения [5, с. 57].

Важной вехой в процессе свертывания нэпа стал XV съезд ВКП(б), который проходил со 2 по 19 декабря 1927 г. Резолюция съезда «О работе в деревне» ставила задачу объединения мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективные хозяйства. В этом переходе основная роль отводилась сельской бедноте, которая должна была объединиться с середняком и начать наступление на кулака [19, с. 149].

9 «Красный Дагестан». 10 декабря 1923 г.

10 «Красный Дагестан». 12 декабря 1925 г.

11 Отчет ДагЦИка // «Красный Дагестан». 10 декабря 1923 г.

Намеченный съездом поворот к усилению административно-плановых начал в управлении хозяйственным строительством и замечание И. Сталина о том «что у нас имеется еще такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы» [20, с. 324], предопределили пути развития и Дагестана.

18 апреля 1927 г. постановлением ЦИК и СНК ДАССР сельские и окружные шариатские суды были упразднены, а продолжение шариатского судопроизводства стало рассматриваться как уголовное преступление. 27 февраля 1927 г. ЦИК и СНК ДАССР приняли постановление об изъятии вакуфного имущества, которое должно было быть завершено к октябрю 1928 г. К сроку, указанному постановлением, этот процесс Дагестану завершён не был [11, с. 279].

С этого времени начались закрытия примечетских школ и репрессии против служителей культа. В том же году были сосланы в Архангельскую область более 800 служителей культа, преимущественно людей пожилого возраста [21, с. 746]. В отсутствии наиболее авторитетных религиозных деятелей приверженцами новых идей должна была стать наиболее восприимчивая к новым идеологическим направлениям часть общества – молодежь.

В 1928 г. партийная организация республики ставит перед Дагестанским комитетом ВЛКСМ задачу увеличить прием в комсомол рабоче-крестьянской молодежи. При этом особое внимание в работе с молодежью должно было уделено ликвидации азбучной неграмотности на основе нового алфавита. Программа ликпунктов и школ малограмотных должна была быть тесно увязана с вопросами антирелигиозной пропаганды.

К 1928 г., когда произошло свертывание нэпа, в горном Дагестане валовый доход бедняцкой группы составлял 306 руб. в год, а кулацкой 2448 руб, т.е. в восемь раз больше. Стоимость средств производства бедняцкой группы оценивалась в 186 руб., кулацкой – в 4472 руб., т.е. в 24 раза больше. На равнине некоторые помещики за годы Советской власти даже увеличили свои земельные владения [5, с. 90].

К 1927–28 г. бедняцкие хозяйства, составлявшие более 50 % всех крестьянских хозяйств республики, владели 26 % всех средств производства. В то время как 5,9 % кулацких хозяйств по отдельным округам владели от 14 до 20 %, а иногда и 30 % средств производства [22, с. 142]. Более 10 тыс. хозяйств применяли в 1928 г. наемный труд [5, с. 58].

Отказ от либеральных тенденций в хозяйственном строительстве обусловил усиление контроля центральных партийных органов над всеми сферами общественной жизни республики.

С 1928 г. в Дагестане стал издаваться печатный орган Дагестанского обкома партии газета «Звезда», которая должна была сообщать о решениях и инструкциях республиканской партийной организации. На страницах газеты писалось, что партийные организации должны были «повернуть хозяйственные и советские органы лицом к бедняцким слоям аула». При этом отмечалось, что до сих пор продолжается практика искажения классовой линии: финансовая поддержка зажиточных слоев¹².

12 Отчет «Работа партии с беднотой и батрачеством» // «Звезда». Январь-март 1928 г. Л. 15.

В русле этих решений был разработан план земельно-водной реформы, предложенный профессором Н.П. Макаровым, сторонником идей кооперативного социализма Чайнова и Кондратьева. Позже он был заменен планом, разработанным профессором КУТВ Лариным [5, с. 98]. План предусматривал максимальное укрепление хозяйственных позиций бедноты в горах за счет привлечения земель вакуфов и кулаков [5, с. 87].

С весны 1928 г. в республике, как и по всей стране, началась ускоренная организация колхозов. После ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), принявшего установку на максимальное форсирование темпов коллективизации, соответствующие решения принял и Дагестанский областной комитет.

На вопросы почему проведение коллективизации в Дагестане стало возможным только через 10 лет после установления Советской власти и почему она проходила в обстоятельствах, «когда коммунистов просили не впадать в уныние от кажущейся бесперспективности работы в дагестанских условиях», нам видится возможным ответить следующим образом. На наш взгляд, причиной было социальное расслоение, которое произошло в дагестанском ауле в результате реализации нэп, когда финансовая и материальная помощь советского государства объективно способствовала ускоренному обогащению зажиточной части дагестанского аула. При этом партийная организация и под ее руководством другие общественные организации – комсомол, профсоюзы, пионерские, различные добровольные общества, проводили агитационную и просветительскую работу по утверждению идей равенства и социальной справедливости.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно члены комсомольских организаций наиболее остро почувствовали противоречивость сложившейся к 1928 г. ситуации в дагестанском селе. Члены комсомольской ячейки сел. Чирюрт считали нетерпимой ситуацию, когда в их селе во главе сельсовета стоит вахмистр Деникина, имеющий 90 баранов, 6 коров, два дома и две лошади¹³.

Члены Артизан-мангитской ячейки ВЛКСМ Ногайского района ставили перед собой задачу организовать помощь беднякам, не имеющим возможность самостоятельно обрабатывать земли, во избежание сдачи ее в аренду кулакам¹⁴.

Более 10 тыс. хозяйств применяли в 1928 г. наемный труд. КЗОТ, судя опять же по архивным документам, в дагестанских условиях он не прижился. Так, в сел. Султаниягиурт после окончания срока договора и батрак, и крестьянин, на которого он работал, оба обратились с жалобой в батрацкий комитет¹⁵.

Секретарь Гунибского окружного комитета ВЛКСМ просил принять меры в отношении родственников предпринимателя М. Мавраева, которые получали образование в Махачкалинском ветеринарном техникуме и Буйнакском педагогическом техникуме. Что не мешало, по его мнению, им продолжать угнетать бедняков села Чох¹⁶.

Думается, что М. Агларов и Э. Кисриев, были правы, когда отмечали,

13 ЦГА РД. Ф. 4-п. Оп. 1. Д.247. Л. 46.

14 ЦГА РД. Ф. 4-П. Оп.1. Д. 247 Л. 2.

15 ЦГА РД. Ф. 4-П. Оп. 1. Д. 247 Л. 10.

16 ЦГА РД. Ф. 4-п. Оп. 1. Д.247. Л. 46.

что «раскулачивание» и «коллективизация», как это не парадоксально, по своей социальной природе были «возвращением» к прошлой, традиционной джамаатской жизни.

Другим важным условием проведения социалистических преобразований в Дагестане и наиболее важной для республики ее части – коллективизации – была коренизация советских органов и выдвижение на активную работу рабочих, бедняков, батраков и части середняков.

Партийная организация республики усилила советские руководящие кадры участниками краснопартизанских отрядов, ими замещали приезжих специалистов. В 1925 г. были организованы 6-месячные курсы подготовки советских руководителей партизанских отрядов под руководством военкома республики М. Атаева. Среди окончивших курсы были Рабадан Нуров, Кара Караев, Осман Османов Сулейман Сулейманов и др. «Красный Дагестан» за 22 октября 1925.

При назначении советскими и партийными руководителями важны были не столько деловая компетентность, сколько преданность власти, способность взять на себя ответственность за порученный участок работы. Разумеется, лидеры, сумевшие организовать сопротивление деникинским отрядам, вполне отвечали этим требованиям.

Очень показательна биография одного из представителей новой советской элиты – М.К. Шарапилова. С 1919 по 1920 гг. он был активным участником антиденикинского восстания, в 1922 г. его выбрали секретарем Чохской партийной ячейки, в 1924–1925 гг. учеба в Ростове на курсах ОГПУ, с 1925 по 1926 гг. – М.К. Шарапилов возглавляет пропагандистский отдел Гунибского окружного комитета, с 1926 по 1928 гг. – Андийский окружной исполком, неполный год работает заместителем наркома рабоче-крестьянской инспекции. Именно ему было поручено возглавить работу по проведению коллективизации в республике – с 1928 по 1930 гг. в должности наркома земледелия.

Ко времени проведения коллективизации в республике были подготовлены и кадры среднего звена: в 1928–1929 учебном году средние специальные учебные заведения Дагестана выпустили 244 молодых специалиста, в том числе 120 учителей, 37 специалистов сельского хозяйства, 49 техников, 38 медицинских работников [22, с. 146].

Преимущественное право поступления в учебное заведение предоставлялось юношам и девушкам из рабочих, трудящихся крестьян, воспитанникам детских домов, интернатов, демобилизованным красноармейцам. Получив образование по специальным правилам, по классовому признаку, они стали представителями «новой интеллигенции» Дагестана, преданными идеям советской власти.

Таким образом, социалистические преобразования в Дагестане в 1929–1930 г. стали возможны во многом благодаря капиталистическим преобразованиям 1921–1928 гг., усилившими дифференциацию его населения и обострившими социальные противоречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 222.
2. Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1970. С. 32
3. Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. документов. М., 1958.
4. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 85.
5. Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане. Узловые проблемы. М., 1975.
6. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос // Сост. Л.Г. Гатагова, Л.П. Роговая. Книга 1. 1918–1933 гг. М., 2005. с. 140.
7. Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Махачкала, 2006. С. 140.
8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. с. 125.
9. Османов А.И. Осуществление новой экономической политики в Дагестане, 1921–1925 гг. Москва: Наука, 1978. – 214 с.
10. Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1941 гг.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. - 543 с.
11. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.: Наука, 1965.
12. Очерки истории Дагестана. Т. II. Махачкала, 1967.
13. Искендеров Г.А. Борьба кресткомов за повышение жизненного уровня тружеников дагестанского аула (1921–1935 гг.) // Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Дагестане. Вып. 3. Махачкала, 1976.
14. Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1929. с.49.
15. Магидов Ш.Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала. 1979.
16. Самурский Н. Наши достижения и перспективы. Даггиз. 1926.
17. Милованов Г.И. Формирование

REFERENCES

1. Lenin VI. *The complete works [Polnoye sobraniye sochineniy]*. Vol. 44: 222.
2. Kazanbiev MA. *Creation and strengthening of national statehood of the peoples of Dagestan [Sozdaniye i ukrepleniye natsional'noy gosudarstvennosti narodov Dagestana]*. Makhachkala, 1970: 32.
3. *The struggle for the establishment of Soviet power in Dagestan [Bor'ba za ustanovleniye Sovetskoy vlasti v Dagestane]*. Collected documents. M., 1958: 24-25.
4. *The history of Dagestan from ancient times to the present day [Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dney]*. Vol. 2: 85.
5. Daniyalov AD. *The construction of socialism in Dagestan. Nodal problems [Stroitel'stvo sotsializma v Dagestane. Uzlovyye problemy]*. M., 1975: 35.
6. *Central Committee of the RCP (b) – VKP (b) and the national question [TSK RKП(b) – VKP(b) i natsional'nyy vopros]* // comp. L.G. Gatagova, L.P. Rogovaya. Book 1. 1918-1933 M., 2005: 140.
7. *Scientific heritage of A.A. Taho Godi. Books, articles, reports, speeches, letters [Nauchnoye naslediyе A.A. Takho-Godi. Knigi, stat'i, doklady, vystupleniya, pis'ma]*. Makhachkala, 2006: 140.
8. *The history of Dagestan from ancient times to the present day [Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dney]*. Vol. 3: 125.
9. Osmanov AI. *Implementation of the new economic policy in Dagestan, 1921-1925 [Osushchestvleniye novoy ekonomicheskoy politiki v Dagestane, 1921-1925 gg.]*. Moscow: Nauka, 1978.
10. Daniyalov GD. *Socialist transformations in Dagestan (1920–1941) [Sotsialisticheskiye preobrazovaniya v Dagestane (1920–1941 gg.)]*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1960.
11. Osmanov GG. *Socio-economic development of the Dagestan pre-collective farm village [Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye dagestanskogo dokolkhoznoy aulа]*. M.: Nauka, 1965.
12. *Essays on the history of Dagestan [Ocherki istorii Dagestana]*. Vol. II. Makhachkala, 1967.

национальных кадров рабочего класса в Дагестане // Октябрьская революция и решение национального вопроса в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967.

18. Пятнадцатый съезд ВКП (б). Декабрь 1927 г. Стенографический отчет. М., 1961. Ч. 2.

Статья поступила в редакцию 20.11.2019 г.

13. Iskenderov GA. The struggle of the krestkoms for raising the living standards of workers in the Dagestan village (1921–1935) [Bor'ba krestkomov za povysheniye zhiznennogo urovnya truzhenikov dagestanskogo aula (1921–1935 gg.) *Questions of the history of socialist and communist construction in Dagestan* [Voprosy istorii sotsialisticheskogo i kommunisticheskogo stroitel'stva v Dagestane]. Vol. 3. Makhachkala, 1976.

14. *Materials for the government report to the VII All-Dagestan Congress of Soviets* [Materialy k otchetu pravitel'stva VII Vsedagestanskomu s"yezdu Sovetov]. Makhachkala, 1929: 49.

15. Magidov SG. *Implementation of Lenin's national language policy in the North Caucasus* [Osushchestvleniye leninskoy natsional'no-yazykovoy politiki na Severnom Kavkaze]. Makhachkala. 1979.

16. Samursky N. *Our achievements and prospects* [Nashi dostizheniya i perspektivy]. Daggiz. 1926.

17. Milovanov GI. Formation of national specialists of the working class in Dagestan [Formirovaniye natsional'nykh kadrov rabochego klassa v Dagestane] *October Revolution and the solution of the national question in Dagestan* [Oktyabr'skaya revolyutsiya i resheniye natsional'nogo voprosa v Dagestane]. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1967.

18. *Fifteenth Congress of the CPSU (B.). December 1927. Verbatim report.* М., 1961. Part 2.

19. Stalin I.V. *Selected works* [Sochineniya]. Vol. 10.

20. Kisriev EF. Directions of the institutionalization of Islam in Dagestan after joining Russia [Napravleniya institutsializatsii islama v Dagestane posle prisoyedineniya k Rossii] *Horizons of modern humanitarian knowledge* [Gorizonty sovremennogo gumanitarnogo znaniya]. М., 2008.

21. Bulatov BB. *Dagestan at the turn of the XIX – XX centuries* [Dagestan na rubezhe XIX–XX vv.]. Makhachkala, 1996.

22. Kaimarazov GS. *Education and science in Dagestan in the XX century* [Obrazovaniye i nauka v Dagestane v XX veke]. Dagestan book publishing house. Makhachkala, 2007.